

БАЛТИЗМЫ БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЯ

А. НЕПОКУПНЫЙ

0. В повести Элизы Ожешко „Над Неманом“ встречается ряд литуанизмов — имен собственных и нарицательных. К таким относятся: фамилия *Domunt*, кличка *Sargas*, приведенная среди типичных для Неманского края („Na każdym dziedzińcu czekał lub bawiąc się z dziećmi wesoło skomlił jakiś Mucyk, Żuczek, *Sargas*, Wilczek, których imiona, głośno przez dzieci wykrzykiwane, rozlegały się daleko“¹, апеллатив *świron* („...zza niziutkiego opłotku widać było *świron* z wystającym i na kilku słupkach opartym dachem“² и др. В этом произведении 80-х годов XIX в., написанном на Гродненщине, по словам автора, „с натуры“, уже нашли свое, так сказать, невольное отражение, крупницы той россыпи балтийских слов, которую мы находим сегодня на территории Белорусского Понеманья.

Материал для данной статьи собран автором в 1971—72 гг. во время его поездок на Гродненщину. Основным источником для определения географии слов послужили ответы на специальную лексическую анкету, проведенную им в Гродненском педагогическом институте им. Янки Купалы и Волковыском педагогическом училище, а также среди учителей начальных классов Гродненской области во время их летнего семинара в г. Волковыске. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность всем своим информаторам и помощникам в этой работе.

1. *Брызгуль*. Впервые на существование литуанизма *bryzgul* в польских и белорусских говорах Белостоцкого воеводства Польши обратили внимание польские языковеды — Т. Зданевич и Э. Смулкова. Так, в польских говорах окрестностей Сейн *bryzgul* „стрепы (в одежде)“³, а в белорусских междуречья Бебжи и Бжозувки, а также к югу от с. Крынок (на границе с Берестовицким р-ном Гродненской обл. БССР) — „закрутка для связывания снопов“⁴.

¹ См. Eliza Orzeszkowa, *Nad Niemnem*, t. I, Warszawa, 1971, стр. 145.

² Там же, стр. 123—124.

³ T. Zdanczewicz, *Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn*, „Lingua Poznaniensis“, VIII (1960), стр. 337.

⁴ E. Smułkowa, *Lituinizmy w białoruskim słownictwie rolniczym* — там же, XIV (1969), стр. 55—56.

В непосредственной связи с польскими данными следует рассматривать и употребление термина *брызгуль* в говорах Белорусского Поманья. Помимо тех значений этого слова, которые уже были отмечены на территории Польши, здесь выступают также и другие, а именно:

1) „продолговатая деревянная пуговица“ (Ялуцевичи Зельвенского, Гербелевичи Дятловского, Белица Лидского районов и т. д.);

2) „бирка“ (Лаздуны и Липнишки Ивьевского р-на);

3) „бубенец, звонок“ (Изабелино Островецкого, Снягяны Сморгонского, Беньякони Вороновского районов и др.);

4) в переносном смысле „ребенок или взрослый человек маленького роста“ (Раковичи Щучинского, Стрела Дятловского районов и т. д.).

В значении „бубенец, звонок“ бел. *брызгуль* составляет одно целое со смежными литовскими говорами: *brizgūlis* (Адутишкис Швенченского р-на) и *brūzgūlis* (Мелагеная Игналинского р-на) „то же“⁵, тогда как в обозначении пуговицы или закрутки для перевесла лингвистически ближайшими для белорусского слова оказываются говоры Занеманья (LKŽ, I, 1065, 1011)⁶.

2. *Girōc* „кислое варево, напиток“. Этот термин стал нам известен благодаря опубликованию словаря П. В. Стецко⁷. Поиски литовских соответствий привели в Жемайтию (Кельмеский р-н): *girōsas* 1) бочка для выработки пива (Ужвентис); 2) квас (Каркленая) (LKŽ, III, 346). Более того, дальнейшие попытки определить географию литовского прототипа бел. *girōc* вновь указали на Жемайтию и даже на соседний с Кельмеским Шилальский р-н: *girāsas* (Кошяй, апилинка Пошка)⁸. Такая локализация литовского соответствия белорусскому термину делает последний весьма интересным в плане возможной диалектной характеристики балтизмов Белорусского Поманья.

При сравнительной скудности литовских фактов белорусские представлены обильно. Вот окраинные пункты соответствующего ареала (см. карту): Верейки (Волковьский), Каролин (Зельвенский), Гербелевичи (Дятловский), Воронча (Кореличский), Крево (Сморгонский), Русское Село (Вилейский район) и др. Распространенность термина *girōc* в непосредственной близости от территории Литвы позволяет думать, что соответствующее литовское слово должно быть известным и дзукским говорам. Ср. в ответе одного из информаторов запись литовской фразы: Пани, *док ман нядбвги гирōсу* (д. Орли Радунского сельсовета Вороновского р-на Гродненской обл.)⁹, т. е. *dúok mán*

⁵ См. Lietuvių kalbos žodynas, t. I, Vilnius, 1968, стр. 1065 и 1102 (Далее — LKŽ).

⁶ См. также Е. Smiłkowa, Указ. соч., стр. 56.

⁷ П. Сцяцко, Дыялекты слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны), Мінск, 1970, стр. 44.

⁸ Сообщил С. Римкус (Вильнюс).

⁹ По материалам анкеты, проведенной на семинаре учителей начальных классов школ Гродненской обл. (г. Волковьск, июнь 1972 г.).

nedaūgi girōso „дай мне немного квасу“. Таким образом, в литовских говорах на территории Белоруссии слово *girōsas* известно.

Семантика исследуемого термина в говорах Белорусского Понеманья это — „очень кислый квас“, „кислое варево“, „слабая водка домашнего изготовления“, „смесь луку и огуречного сока“ и т. п. Употребляется сравнение: *šorki (kislų), як girōs*. Ср. также прозвище *Girōs* (Острына Щучинского р-на).

В словообразовательном аспекте слово *girōsas* представляет собой производное от лит. *girā* „квас“ с помощью суффикса *-ōsas*. Последний имеет пейоративную функцию и принадлежит к числу довольно редких литовских формантов неясного происхождения¹⁰. Сказанное убеждает в том, что белорусский термин *girōs* и его ареал в бассейне Верхнего Понеманья представляет собой интересное явление для литовской и — шире — балтийской диалектологии.

3. *Дзягна, дзягно́*. Этот болотный термин со значением „топкое болото, трясына“, насколько нам известно, еще не зафиксирован в лингвистической литературе. По собранным материалам контуры его ареала образуют следующие населенные пункты: Индура (Гродненский), Горностаевичи (Свислочский), Зеленевичи (Пружанский), Долгое (Ивацевичский), Роготна (Дятловский), Лядск (Щучинский) и Глиняны (Гродненский районы).

Можно предположить, что в этом белорусском слове отражается балтийский географический термин, который должен иметь форму **degnas* (**degna*), т. е. от *dēgti* „гореть“ + суффикс *-nas* (*-na*). Эта версия поддерживается, с одной стороны, существованием ряда соответствующих образований — ср. в литовском *degimas* „выжженное место (на лугу, на болоте, в лесу)“, *degūmė* „выжженное торфяное болото“, *degynė* „выжженное место в лесу“, *dėgšnė* „выжженное место“ и т. д.¹¹, а также в семантическом плане — украинские и белорусские слова *вижар* (*выжар*), *гары* и под.¹², а с другой — уже чисто в деривационном плане — участием суффикса *-nas* (*-na*) в образовании литовских географических терминов, как например, *lieknas* (*liekna*) „болотистый лесок (луг)“ и под.¹³.

Реальным подтверждением такого предположения является топоним *Dagnai* — название луга к западу от д. Мятяляй (апилинка Жагаряй) Лаздийского р-на Литовской ССР¹⁴. Приведенный лингвистический факт представ-

¹⁰ См. J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, t. II, Warszawa, 1965, стр. 222.

¹¹ См. Л. Г. Невская, *Словарь балтийских географических апеллятивов*, „Балто-славянский сборник“, М., 1972, стр. 322.

¹² Н. И. Толстой, *Славянская географическая терминология*, М., 1969, стр. 199.

¹³ См. J. Otrębski, *Указ. соч.*, стр. 167.

¹⁴ Алфавитная топонимическая картотека (Вильнюс, Институт языка и литературы АН Литовской ССР).

ляется нам очень важным: во-первых, он свидетельствует о действительном существовании формы *dagnas* (как единственное число от *Dagnai*) — фонетического варианта реконструированного выше *degnas, а, во-вторых, локализация данного топонима в Занеманье, в непосредственной близости от Гродненщины (см. карту) является доказательством связей балтизмов Белорусского Понеманья с литовскими говорами, возникшими на субстрате ятвяжского языка¹⁵.

4. *Жылгуці* „тонкие прутья лозы“. В публикациях 1971—72 гг. трижды обращалось внимание на этот термин. В „Инструкции“ для белорусского лексического атласа был поставлен вопрос о значении слова *жылгуці*¹⁶, Ю. Лаучюте, исходя из свидетельства Я. Карловича — *žylgucie „galganki...“ z Litwy*¹⁷, отнесла рассматриваемое слово к польским литуанизмам, связав с лит. *žilvičiai* „ракита, лоза“¹⁸. Наконец, в коллективной статье о белорусских говорах литовского пограничья этот термин (*žolguč’i*) был уже приведен с локализацией употребления (д. Стрельцы Эйшишкского р-на Литовской ССР) и точным указанием на его литовское соответствие — *žilgutys, žilgūtis, žilgas* „то же“¹⁹.

Необходимо особо выделить то обстоятельство, что все приведенные литовские лексемы ряда *žilg-* употребляются исключительно на литовско-белорусском пограничье: ср., в частности, производные формы *žilgūtis* (пункты 650, 699), *žilgučiai* (682)²⁰ — см. карту. Последний пример (Бутримонис Эйшишкского р-на) по форме — *pluralia tantum* — является наиболее точным соответствием бел. *жылгуці*.

Будучи редким, термин *žilgas* (*žilgas*) еще не попал на страницы литовской лексикологии и лексикографии и потому отсутствует и в „Этимологическом словаре литовского языка“ Э. Френкеля. Ввиду этого по поводу этимологии лит. *žilgas* (*žilgas*) можно сказать следующее. В литературе вопроса уже было отмечено, что для ивы характерны названия в зависимости от ее цвета²¹.

¹⁵ См., в частности, Б. Савукина с, К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве — „*Baltistica*“, I (2), 1966, стр. 165—175.

¹⁶ См. Инструкция па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы, Мінск, 1971, стр. 142.

¹⁷ J. Karłowicz, *Słownik gwar polskich*, t. VI, Kraków, 1911 стр. 453.

¹⁸ Ю. Лаучюте, О словах литовского происхождения в польском языке, „*Kalbotyra*“, XXXII (2), Vilnius, 1971, стр. 100—101.

¹⁹ Е. Й. Гринавецкене, И. П. Ковальчук, Ю. Ф. Мацкевич, Е. М. Романович, Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья, „*Балто-славянский сборник*“, М., 1972, стр. 388.

²⁰ Ср. фонды атласа литовского языка (Вильнюс, Институт языка и литературы АН Литовской ССР). Вопрос о названиях ивы (*gluosnis*) и ракиты (*žilvitis*).

²¹ W. Schulze, *Kleine Schriften*, Göttingen, 1933, стр. 118. Приводится по книге: E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1962, стр. 1309.

Действительно, словарь названий растений в сербскохорватском и основных европейских языках хорошо подтверждает такое наблюдение²². В связи с этим для объяснения формы *žilgas* (*žilgas*) можно предложить связь с лит. *žvilgūs* „блестящий, сверкающий“. Ср. для названия того же вида *Salix alba* (лит. *žilgas*, *žilgas*) немецкий термин — *Silberweide* букв. „серебристая ива“.

Непосредственное продолжение этих окраинных фактов литовского языка, как и следовало ожидать, представляют белорусские говоры Гродненщины. Ср. *жылгуці*: 1) „прутья для плетня“ (Вороновский р-н, сельсовет Переганцы, д. Седлиско), 2) „толстые стебли льна“ (Ивьевский р-н, д. Князиковцы), 3) „лоза, из которой плетут кошелки“ (Ивьевский р-н, Трабский сельсовет, д. Харитоны), 4) „то же“ (Ошмянский р-н, п/о Щепановичи, д. Подгаи). Очевидно, на правом берегу Белорусского Понеманья форма *жылгуці* более распространена, чем ее соответствие в Литве, с которым она, несомненно, образует единый ареал. В связи с этим желательнее, чтобы вопрос о термине *жылгуці* был бы „непосредственно сорентированным на лексический атлас“, что отсутствует в названной выше инструкции²³.

5. *Крэйка* „конек крыши“. Об употреблении этого литуанизма *kraikas* „то же“ от *kreikti* „стлать (солому)“ в Гродненской обл. вообще уже писалось в литературе вопроса²⁴. В данном случае наши материалы позволяют определить по крайней мере часть территории сплошной распространенности этого термина. Ареал *крэйки* характеризуется следующими крайними ориентирами: Ходилони Щучинского и Пески Лидского районов — на юго-западе, с одной стороны, и Подольцы Островецкого, а также Войстом Сморгонского районов — на северо-востоке — с другой. Юго-восточную границу рассматриваемого ареала образуют течение Немана и Березины. В пределах этого пространства как вариант зафиксировано *крэйка*: *Чагэ залэз на крэйку?* (Юратишки Ивьевского р-на).

Территориальная связь термина *крэйка* с соответствующими литовскими вариантами в одном случае оказывается самой непосредственной, в другом — несколько отдаленной. Так, форма *kreikas* „конек крыши“ характеризует говор Девянишкес Эйшишского р-на Лит. ССР и Пелясы Вороновского р-на БССР (LKŽ, VI, 494). Однако в соседнем с Гродненщиной Варенском р-не (Друцкунай, Валькининкай) употребляется вариант *kraigas* „то же“²⁵, а не *kraikas*

²² См. Др. Симоновић, Ботанички речник научних и народних имена биљака са именима на руском, енглеском, немачком и француском језику, Београд, 1959, стр. 412—414.

²³ См. „Инструкция“..., стр. 5 и 142 (№ 3181).

²⁴ См., в частности, „Лексические балтызмы ў беларускай мове“, Мінск, 1969, стр. 59.

²⁵ По материалам специальной лексической анкеты, проведенной автором среди студентов Вильнюсского педагогического института.

(или *kraikà*), как бы следовало ожидать, имея в виду бел. *крэйка*. Что же касается формы *kraikas*, то она распространена в литовских говорах нижней части Понеманья: Вишакё-Руда, Лукшяй, Вялюона, Скирснямуне (LKŽ, VI, 400).

6. *Кўдра* „пруд“; „остров леса“. Мы уже писали о данном географическом термине, отмечая, что в поле внимания исследователей семантика этой лексемы попадала то одной, то другой своей стороной, хотя сосуществование обоих значений наблюдается даже на ограниченной территории северо-западной части Ровенской обл. УССР²⁶. Однако материалы массовой анкеты среди представителей более широкого региона наводят на мысль, что в отношении кудры зональность семантики все же существует. Так, значение „сажалка“, „озеро“, „болотце“ свойственно центральной части ареала лексемы *кудра*, тогда как на его периферии локализуется семантема „остров леса“. Границы внутреннего центрального субареала: на западе — Нача Вороновского, Ваверка и Пески Лидского районов, на востоке — Граужикиши Ошмянского и Лаздуны Ивьевского районов, на юге — течение Немана. Крайние пункты внешнего, периферийного ареала: Лядск Щучинского, Юревичи Дятловского, Щорсы Новогрудского, Ордаши Сморгонского и Ворняны Островецкого районов Гродненской обл.

К сожалению, соответствующий материал по говорам литовского языка не собран, а тот, что представлен в академическом словаре (LKŽ, VI, 768-769) недостаточен для суждения о закономерном или же случайном характере представленного выше ареального распределения между значениями „пруд“ и „остров леса“.

7. *Лупаты* „губастый“; „пучеглазый“. В. Урбутис вскользь уже отметил, что белорусское слово *лупаты* „пучеглазый“, связанное с глаголом *лупіць*, является иным образованием, чем в том же языке адекватив *лупаты* „губастый“, производный от литуанизма *лупы* „губы“²⁷. Специальный вопрос анкеты, проведенной не только в Гродно и Волковыске, но и в Бресте (педагогический институт), позволил обнаружить интересное явление: оказывается, что в пределах Гродненской и Брестской областей *лупаты* „пучеглазый“ употребляется в основном к югу от Немана, что одновременно характеризует и ареал омонимичного ему образования. Северная граница распространения слова *лупаты* в значении „пучеглазый“ определяется следующими пунктами: с. Калиновского Свилоцкого р-на, Репля Волковысского, Морочи Зельвенского, Козловщина Дятловского, Понеманцы Лидского, Новогрудок Новогрудского и, наконец, Еремичи Кореличского районов Гродненской области (см. карту).

²⁶ См. А. П. Непокупный, Географические термины и топонимы Украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа, „Baltistica“, VI (1), 1970, стр. 16.

²⁷ V. Urbutis, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, „Baltistica“, V (1), 1969, стр. 64.

В этой же „глазной“ зоне употребляются и соответствующие существительные — *лўпы*, *лупачы* „глаза“, *лупач* „пучеглазый“. Ср. также *лупакі* „глаза“ (Михалки Свислочского р-на)²⁸.

Определенные таким образом северные веши „глазного“ ареала, будучи для него максимальными, являются в то же время и минимальной границей распространенности в южном направлении слова *лўпы* „губы“ и производных от него: *лупаты* и др. В таких лингвогеографических ситуациях всегда существует зона вибрации. И, действительно, имеются случаи „двойных“ ответов, например *лўпы* „говорят на губы и глаза“ в д. Девятковцы, п/о Верейки Волковысского р-на Гродненской обл. Что же касается минимальности для *луп* — „губ“ максимальной границы для *луп* — „глаз“, то иллюстрацией к этому может быть употребительность различных дериватов от первого в говорах Зельвенского района, через который проходит наша изоглоса: ср. *лупсі* „губы“, *лупсей* „губастый“, *лупляндзя* „женщина с большими толстыми губами“²⁹. Ср. также еще Я. Розвадовский называл в качестве местностей, где употребляется *лупу* „губы“, Свислочь-Волковыск и Слоним³⁰, которые находятся несколько южнее северной границы *луп* — „глаз“ (см. карту).

Таким образом, в бассейне левых притоков Немана проходит граница между *лупаты* „пучеглазый“ и *лупаты* „губастый“. Этот вывод представляется нам теоретически достаточно важным, поскольку речь идет о границе употребления балтийского (*лупы* „губы“) и славянского (*лупы* „глаза“) слов, а, следовательно, это имеет непосредственное отношение к определению одной из зон балто-славянских этнических контактов в прошлом.

В самом деле, за обоими словами — *лупы* „губы“ и *лупы* „глаза“ стоят два различных языковых мира — балтийский и славянский. Литовское название губы *lūpa* родственено нем. *Lippe* „то же“, точнее соответствующим средненижнемецким формам *lobbe*, *lubbe*³¹, тогда как бел. *лупы* „глаза“ связано, как уже было сказано выше, с глаголом *лупіць*. Ср. *лупыши* „глаза“ — производное от *лупить* (глаза)³². Несмотря на то, что в литовском языке существует родственный славянскому глагол *lūpti* „лупить“, однако фразеологизм *akis lūpti* зафиксирован только в говорах, подвергшихся наибольшему белорусскому влиянию — Армонишкес, Вороновский р-н Гродненской обл.

²⁸ Т. Ф. Сцяшкoвiч, Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці, Мiнск, 1972, стр. 268.

²⁹ См. П. Сцяцко, Указ. соч., стр. 90.

³⁰ J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, „Rocznik slawistyczny“, V (1912), стр. 19.

³¹ См. E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1962, стр. 391.

³² М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967, стр. 535.

БССР и Твярчюс (ЛКЖ, VII, 704) на границе с Браславским р-ном Витебской обл. БССР. Ср. замечание О. Н. Трубачева по поводу старослав. *лоупити* и ег балтийских соответствий: „совершенно ясно, что по крайней мере часть балтийских слов или их значений появилась в результате общения со славянским“³³. В связи со сказанным становится понятным, почему в литовском языке не возникло пейоративное название глаз, производное от глагола *lūpti*.

8. *Пасойта* „ведерная ручка“. В программу будущего лексического атласа белорусского языка включен вопрос о названиях ручки ведра, однако среди иллюстраций примерных ответов нет приведенного выше термина³⁴. С другой стороны, о последнем очень мало сказано и в литературе вопроса³⁵. В связи с этим представляют определенный интерес сведения о распространении данного литуанизма — ср. лит. *pasaitas (pāsaitas)* „то же“, особенно на северо-востоке Гродненщины (см. карту). В Дятловском р-не (сельсоветы Новоселки и Дворец) *пасойта* отмечается как вариант к *восилка* „то же“. Обращает на себя внимание наиболее удаленный от основного массива пример, свидетельствующий об употреблении этого термина в более широком значении: *пбсайка* „веревочка связывать что-нибудь“ (д. Сидорки, п|о Михайлы Свислочского р-на). Ср. также *пасойта* „петля, которую одевают на шею телятам и коровам“ (д. Уртишки Дойлидского сельсовета Ивьевского р-на). Собранные материалы об этом слове все же имеют эскизный характер, чтобы можно было делать какие-либо обобщения для всей Гродненщины.

9. *Ройста*. В „Словаре мелiorативных терминов“ русск. *болотистый кустарник* и *болотистый лес* переводятся лит. *raistas*³⁶. В новейшем перечне белорусских литуанизмов этот термин отсутствует³⁷. Отдельные местонахождения *ройста* и производных от него образований, согласно лексикографическим изданиям последних лет, локализируются в след. районах: Островецкий, Вороновский, Щучинский³⁸, Ошмянский, Ивьевский Гродненской обл. и Несвижский Минской обл.³⁹. Заметим, что, за исключением последнего примера, весь материал происходит из говоров к северу от Немана.

Наши данные, полученные в результате проведения анкеты, как густотой свидетельств, так и их пространственным распределением подтверждают только что сделанный предварительный вывод об ареале *ройста*. Территория

³³ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, М., 1966, стр. 157.

³⁴ См. „Инструкция...“, стр. 103.

³⁵ См. V. Urbutis, Указ. соч., стр. 67.

³⁶ J. Šečiūys, Melioracijos terminų žodynas, Vilnius, 1960, стр. 209.

³⁷ См. V. Urbutis, Указ. соч., стр. 149.

³⁸ См. Т. Ф. Сцяшковиц, Указ. соч., стр. 418 и 425.

³⁹ І. Я. Яшкін, Беларускія геаграфічныя назвы, Мінск, 1971, стр. 165.

распространения последнего характеризуется такими пунктами: Острина Щучинского и Русиновцы Мостовского р-нов — на юго-западе, Подольцы Островецкого и Белковщина Соргонского р-нов — на северо-востоке (см. карту). Единственный пример к югу от Немана свидетельствует о переносном употреблении этого термина: *ройста* „лайдак“ (д. Улановщина Новоселковского сельсовета Дятловского р-на).

Экспрессивное употребление болотного термина не является уникальным — оно зафиксировано также и в нескольких пунктах основного массива *ройста*. Так говорят о плохом человеке — непослушный, невыдержанный и т. п. (Большие Князиковцы Ивьевского, Белица Лидского районов и др.). Показательно, что такое же экспрессивное употребление *raĩstas* в отношении человека или животного известно и в говорах литовского языка: *Ak tu raĩstas!* (Гяляной Ширвинтского р-на, Пабайкас Укмергского)⁴⁰.

Очевидно, как прямое, так и переносное употребление термина *ройста* в Белорусском Помеанье составляет один общий ареал с литовским диалектным массивом. Попутно укажем также, что наряду с рассмотренной выше формой среднего рода (*ройста*) изредка употребляется также и вариант *ройст* (Первомайский Лидского и Подольцы Островецкого районов).

10. *Тракéня* „топкое болото, грязь“. По-видимому, впервые сведения об этом слове были сообщены в словаре зельвенских говоров П. В. Стецко⁴¹, а мнение о балтийском характере данного термина раньше других исследователей опубликовано в коллективной статье А. Орешонковой, Е. Гринавецкене и др.⁴².

По форме белорусский термин соответствует лит. *trakénai* „место, где выгорели деревья“, и для нас имеет важное значение тот факт, что, судя по ссылкам, это слово зафиксировано только в литовских словарях, изданных в быв. Восточной Пруссии в 1747, 1800 и 1851 гг.⁴³. Более того, оказывается, что и тождественные этому апеллятиву названия населенных пунктов существуют только в Занеманье, вблизи границы с Польшей — в окрестностях Калварии, ныне Капсукского р-на — *Trakénai*: 1) апилинка Бразава, 2) апилинка Калвария и 3) апилинка Сангруда⁴⁴. Таким образом, благо-

⁴⁰ По информации К. Моркунаса (Вильнюс).

⁴¹ П. Сцяцко, Указ. соч., стр. 161.

⁴² См. А. У. Арашонкава, Е. І. Грынавецкене и др., Да лексіка-семантычнай дыферэнцыяцы ў беларускіх народных гаворках, „Весті Акадэмі навук Беларускай ССР“, серыя грамадскіх навук, № 1, 1971, стр. 91. Ср. также наше замечание об этом термине в рецензии на книгу: J. Prinz, Die Slavisierung baltischer und die Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwalki (Wiesbaden, 1968) — „Мовознавство“, № 3 (1971), стр. 88.

⁴³ См. E. Fraenkel, Указ. соч., стр. 1109.

⁴⁴ См. Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas, Vilnius, 1959, стр. 970.

даря акцентированию ареальной стороны лингвистических фактов мы получаем весьма лингвогеографический ориентир для белорусско-понеманского термина *тракенья* – литовские говоры быв. Восточной Пруссии.

В свете сказанного мы можем рассматривать ареал бел. *тракенья* как развернутый в северо-западном направлении. Пунктами этой цепи являются Добросельцы, Тулово, Морочи (Зельвенский), Милевичи (Мостовский), Костровичи (Слонимский), Гербелевичи, Новоселки (Дятловский) и Белиц (Лидский р-ны).

О семантическом переходе „выгоревшее место“ → „болото“ (здесь *тракенья*) мы уже писали (см. выше, 3). Остается только привести почти неизвестный в литуанистике пример: *traki*, „*błota*, *bagna*“ (из Жемайтии)⁴⁵.

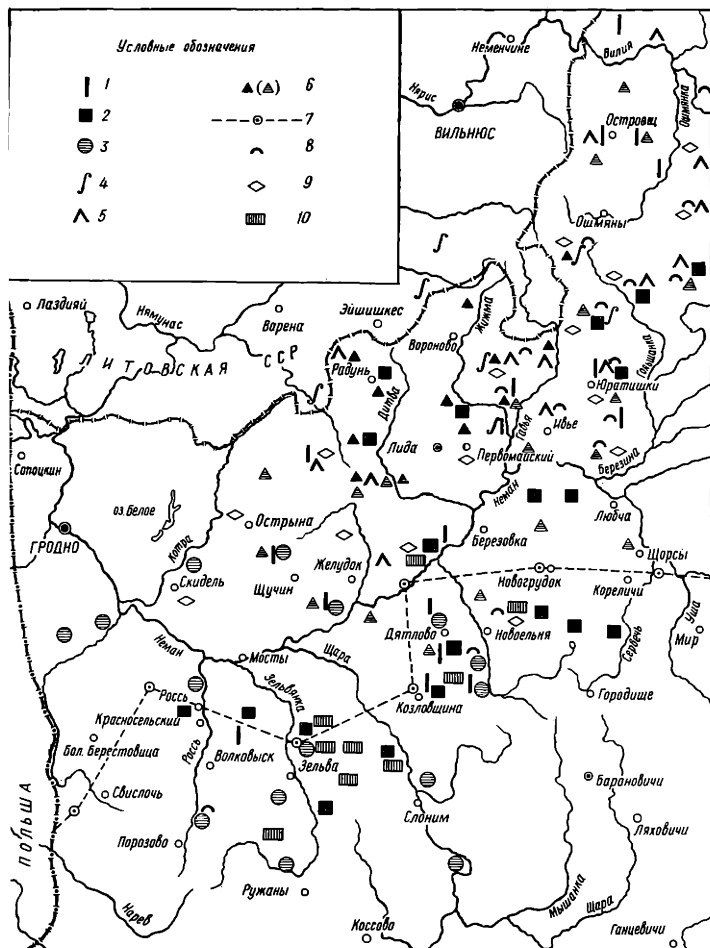
Балтизмы Белорусского Понеманья свидетельствуют о теснейших языковых связях этого ареала – в особенности его левобережной части – с территорией Литвы. В одних случаях имеют место языковые явления, распространенные именно на литовско-белорусском пограничье (*жылгуці*, *брызгіль* в значении „звонок“), в других – обнаруживаются лингвогеографические связи с более отдаленными районами Литвы (*girós*). В ряде примеров прямые литовские соответствия белорусским фактам локализируются исключительно на территории Занеманья и литовских говоров быв. Восточной Пруссии (*Dagnai*, *Trakénai*, *trakénai*). Этот аспект исследования внешних связей балтизмов Гродненщины представляется нам особо значительным, поскольку он связан с целым комплексом проблем исследования реликтов исчезнувших балтийских языков и диалектов (пруссский и ятвяжский, ливовские говоры быв. Восточной Пруссии), „внешняя география“, или „внешние изоглоссы“ которых продолжают сохраняться на ближайших к ним территориях, в частности и в Белорусском Понеманье⁴⁶.

В свое время мы уже говорили о необходимости изучения географического распространения балтизмов, „в идеале имея перед собой также и перспективу создания атласа балтийской лексики польско-восточнославянской языковой территории“⁴⁷. Данную статью вместе с картой к ней можно рассматривать и как один из эскизов к названному атласу.

⁴⁵ См. J. Karłowicz, Указ., т. V, Kraków, 1907, стр. 416.

⁴⁶ См. А. П. Непокупный, К составу и географии литовских и белорусско-славянских соответствий (параллелей) прусским префиксальным образованиям, „*Baltistica*“, VIII (1), 1972, стр. 17.

⁴⁷ См. Его же, К изучению балтийского лексического наследия Белорусского Полесья, „Беларуская лексікалогія і этымалогія“ (праграма і тезісы дакладаў Міжрэспубліканскай канферэнцыі), Мінск, 1968, стр. 120–121.

Карта. Балтизмы Белорусского Понеманья.

Условные обозначения:

- 1 — брызгуль, 2 — гірос, 3 — дзягна, дзягно, 4 — жыглуці, 5 — крэйка, 6 — куц
 7 — лупаты „пучеглазый“, 8 — пасойта, 9 — ройста, 10 — тракяня.

BALTISMEN IM BELORUSSISCHEN NEMUNASGEBIET A. NEPOKUPNYJ

Zusammenfassung

Die Baltismen in der belorussischen Sprache des Nemunasgebietes zeugen von sehr engen Verbindungen zwischen der Lexik dieses Gebietes und der Lexik der Dialekte des heutigen Litauens. Besonders deutlich kommt das in den Gebieten der linken Nebenflüsse des Nemunas' zum Ausdruck. Manchmal sind diese Erscheinungen nur an der litauisch-belorussischen Grenze zu beobachten (жилгуці), und in manchen Fällen sind linguo-geographische Beziehungen auch mit einigen Gebieten, die weiter von Litauen entfernt sind, zu erkennen (ріпос). Sehr oft werden exakte Entsprechungen der litauischen Sprache im Belorussischen nur in den Gebieten jenseits des Nemunas' und in den litauischen Dialekten des einstigen Ostpreußens (Dagnai, Trakėnai, trakėnai) lokalisiert. Die letztgenannten Beispiele sprechen dafür, wie wichtig es ist, die Baltismen im Gebiet Grodno zu untersuchen, denn sie gehören komplex mit vielen Relikten der verlorengegangenen baltischen Sprachen und Dialekte zusammen (z. B. Preußisch, Jotvingisch, die einstigen Dialekte des preußischen Litauens).